

С прошлого года Цзин Ян начал практиковать самоповреждение во время «чувствительного периода» — словно боль от разрезов кожи приносила облегчение, а вид крови притуплял тьму в его душе.

Си Бай Цю был бессилён это остановить.

И когда он был уже на грани отчаяния, наконец появился тот самый «судьбоносный» Омега с совместимостью 100%.

Глаза Бай Цю радостно засияли.

Он смотрел на мягкого, деликатного юношу с вьющимися серебристо-белыми волосами, которые искрились на солнце, и с нежными, как фиалки, глазами.

— М-м! Отличная пара для брата! — Бай Цю радостно кружил вокруг Бай Сиюя. Он узнал его: это был его одноклассник из начальной школы — тот самый маленький Сиюй, который в первый же день делился со всеми шоколадками и прекрасно играл на скрипке.

Однако дальнейшее развитие событий повергло Бай Цю в полное недоумение.

Казалось бы, если судьба свела истинных, между ними должна вспыхнуть искра, если не огонь. Но между Цзин Яном и Бай Сиюем не проскочило даже малейшего разряда. Бай Цю видел, как сильно старался Сиюй, пытаясь растопить лёд, но Цзин Ян оставался невозмутимым, словно монах в глубокой медитации, попивая послеобеденный чай и игнорируя сидящего рядом Омегу.

...Брат, если ты будешь так себя вести, ты правда останешься один.

Бай Цю, висящий призраком над ними, распластался в воздухе, как блин, и подумал: «Может, со временем всё наладится? Говорят же: стерпится — слюбится».

С этой надеждой он ждал дня, когда они станут настоящей парой. Но этого не случилось.

Никто не знал точно, что произошло, но однажды вечером Цзин Ян пришел в ярость. Он приказал казнить главу дома Бай, а Бай Сиюя лишил дворянского титула и вместе с семьёй изгнал из Центрального города. Это коснулось не только дома Бай: многие влиятельные фигуры попали под раздачу. Вскоре воцарилась такая атмосфера страха, что на еженедельных собраниях все сидели ни живы ни мертвы, боясь стать следующей жертвой.

Когда всё утихло, глубокой ночью Цзин Ян, укутанный лишь в звездный свет, в одиночестве пришел на кладбище. Бай Цю смотрел, как статный Альфа стоит перед его надгробием, закулив сигарету. Белый дым затуманил его прекрасное лицо.

— Малыш Бай Цю... — охрипшим голосом позвал он, и огонек сигареты в его пальцах вспыхнул алым.

Он больше ничего не сказал. В этих трех словах заключалась вся его боль и неизлечимая тоска.

Си Бай Цю коснулся своего лица и понял, что плачет. Оказывается, незаметно пролетели долгие годы.

...

Состояние Цзин Яна ухудшалось с каждым «чувствительным периодом». Это начало мешать его повседневной жизни: он падал в обмороки, страдал от кровотечений, постоянно терял сознание. За несколько месяцев он превратился в тень самого себя, настолько истощенную, что ему потребовалась инвалидная коляска.

Высшие Альфы, не получившие утешения от своего истинного Омеги, редко доживали до тридцати. Это было проклятие всех, кто был связан судьбой. Именно поэтому те, кто находил свою истинную пару, держались за них мертвой хваткой, желая запереть в золотой клетке и никогда не отпустить. Это была крайняя степень безумия.

Но Цзин Ян стал исключением.

Бай Цю не понимал этого и не хотел понимать. Он больше не мог смотреть, как умирают люди, которых он любил.

Но судьба была жестока. В ту ночь, когда бушевала метель, Цзин Ян в черном плаще, сидя в инвалидном кресле, снова приехал на кладбище в полном одиночестве. Его щеки впали, в некогда ярких разноцветных глазах поселилась серая пелена смерти.

Он просидел перед надгробием Си Бай Цю всю ночь, позволяя серебристому снегу укрывать его, словно саваном.

Когда наступил рассвет, молодой Император Империи перестал дышать в холодном утреннем тумане.

Си Бай Цю был сломлен.

Он возненавидел себя за то, что всё еще существует. Почему он вынужден видеть, как один за другим уходят те, кого он любит? Почему всех, кто ему дорог, ждет такой конец?

— Почему?

— Ну почему, почему, почему...?!

Си Бай Цю рухнул на колени перед Цзин Яном и зарыдал в лучах восходящего солнца.

...Если бы я не умер? Если бы тогда я продержался чуть дольше? Неужели у папы, отца, брата... был бы другой финал?

Если боги существуют...

«Пожалуйста, помоги мне.

Пожалуйста, дай мне шанс переродиться.

Я хочу прожить жизнь еще раз.

Я хочу прожить жизнь еще раз!»

.....

«Бииииииииип!»

Прямая линия на мониторе ЭКГ дрогнула и поползла вверх.

Пятнадцать лет спустя.

Университет Чаочжоу, большая поточная аудитория.

Сейчас здесь шла лекция по основам этики, на которой собрались студенты сразу трех курсов — несколько сотен человек, конца-края которым не было видно.

Несмотря на то, что профессор в очках с толстыми линзами включил микрофон, аудиторию окутала непреодолимая дремота.

Это был первый урок после обеда, голос преподавателя звучал чертовски усыпляюще, и ни один студент в здравом уме не мог устоять перед искушением вздремнуть.

...Хотя были и те, кто не спал, а украдкой уткнулся в свои нейросети, с каждой минутой становясь всё бодрее.

Чат общежития Альф:

□Ань Ичжоу: Братва, как у вас дела на стажировке?

Фу Шань: Не считая того, что я вообще не хочу работать, всё отлично :)

Цзян Луюань: Ты сейчас сказал так, будто ничего не сказал.

Цзян Луюань: Лучше расскажите что-нибудь веселое. Например, Гоу Янь, как там твой объект обожания?

Гоу Янь:

Ань Ичжоу: Отношения — это слишком сложно.

Фу Шань: Вот именно. Я даже с самим собой поспорить нормально не могу.

Цзян Луюань: Ты что, уже до эволюции дошел, что с самим собой спорить?

Мэн Гэ: И как вы ссоритесь?

Фу Шань: Один ругает начальника, другой — гендиректора.

Фу Шань: Не могу решить, кого матом крыть первым.

Мэн Гэ: Ругай того, кто больше зарабатывает.

Цзян Луюань: Гендиректора, конечно. Он вообще ничего не понимает.

Фу Шань: А где наш Шестой? Почему он молчит? Спит? @БайЦю

Цзян Луюань: Похоже, он реально вырубился.

Фу Шань: Ткните его! Я обязан сегодня поиздеваться.

Гоу Янь:Тебя рано или поздно прибудут.

.....□

Цзян Луюань бросил взгляд на спящего рядом Альфу. Его ресницы были, кажется, длиннее, чем у любого Омеги, а кожа была пугающе бледной.

Этот их Шестой был парнем статным, красивым, с отличным характером. А еще в каждом его движении сквозило что-то неуловимое, какая-то природная грация, из-за которой их соседи по комнате часто задавались вопросом: «В какой семье нужно вырасти, чтобы воспитать такого Альфу?»

Тц, в его семье так точно не получится.

— ...Бам!

Неизвестно почему, но спящий вдруг дернулся, его согнутая нога с глухим стуком ударилась о стол, и он резко выпрямился.

— ...Чего? Кошмар приснился? — прошептал Цзян Луюань.

— ...Да, — Си Бай Цю потер ноющие виски. Его темные зрачки были влажными, а губы сухими, до трещин. — ...Снилось прошлое.

В горле запершило, и он начал тихо кашлять. Чтобы не мешать остальным учиться или спать, Си Бай Цю жестом показал Цзян Луюаню, что выходит, и проскользнул в заднюю дверь аудитории.

Как только его коснулся прохладный воздух, приступ усилился. Он начал задыхаться, дыхание стало сбивчивым. Си Бай Цю прислонился к стене в конце коридора, прикрыв рот ладонью, пытаясь успокоиться. Несколько черных прядей упали на лоб, частично скрывая покрасневшие глаза, и в его облике появилось что-то настолько хрупкое, почти прозрачное.

— Выпей воды, — рядом бесшумно возник силуэт.

— Спасибо, — хрипло прошептал Си Бай Цю. Он взял стаканчик и сделал небольшой глоток. Однако, подняв голову, он обнаружил, что коридор пуст. Если бы не одноразовый стаканчик с водой идеальной температуры в руке, он бы решил, что у него начались галлюцинации.

Си Бай Цю вздохнул и, досчитав про себя до трех, получил вызов по видеосвязи.

Он принял звонок. На экране возникло изображение, но, в отличие от прошлых разов, на нем были видны только руки.

Четко очерченные суставы, длинные, аккуратные пальцы с ухоженными ногтями. Рука сжимала серебристо-белую стальную ручку, на тыльной стороне ладони слегка вздулись нежно-голубые вены — безмолвное проявление скрытой силы и желания.

Картина, невольно вызывающая в голове самые грешные мысли: например, о том, как эти пальцы могли бы быть испачканы в розовом соке, смятая нежные алые лепестки цветов.